

Понятие состава преступления «душегубство» в русском средневековом праве

Аннотация. В публикации особое внимание обращено на важность и давно назревшую необходимость более детального изучения историко-юридической терминологии, ревизии ее этимологии и семантики, правового значения с использованием всевозможных методологических конструкций, что, в свою очередь, может существенно расширить научное представление о правовой жизни прошлых поколений, стать ключом к познанию тонкостей их юридического быта, правосознания и многих других важнейших аспектов бытия. В работе нашли отражение идеи многоаспектного исследования российской государственности и культуры, которое уже много лет проводится автором. Особо подчеркивается, что изучение юридической терминологии периода средневековой Руси не должно осуществляться в отрыве от духовных традиций и обычаев и главным образом религиозно-философских устоев русского народа, которые были определяющими в сфере развития общества, государств и права. Используя обширный исследовательский материал, автор предпринимает попытку переосмыслить вопросы генезиса средневекового уголовного права. В дореволюционной, советской и постсоветской историко-юридической науке сформировалось сугубо узкое представление о понятии «душегубство» как о составе преступления против жизни в виде умышленного причинения смерти. В русских памятниках права периода Средневековья содержатся сведения, указывающие на то, что этим термином обозначался достаточно широкий спектр проступков и преступлений — как против жизни православных христиан, так и против их здоровья, благочиния, религии и т.д.

Ключевые слова: древнерусское право; уставные грамоты; история развития отечественного уголовного права; христианство; история православия; убийство; каноническое право; законодательство Московского княжества; проблемы и дискуссионные вопросы науки истории государства и права России; историко-юридическая терминология; душегубство.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Понятие состава преступления «душегубство» в русском средневековом праве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 116–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.116-122.

The Concept of Crime of «Murder» in Russian Medieval Law

Evgeny A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Law,
Siberian State University of Geosystems and Technologies
penalize@rambler.ru

Abstract. The paper pays special attention to the importance and long-overdue need for a more detailed study of historical and legal terminology, a revision of its etymology and semantics, legal meaning using all kinds of methodological structures, which, in turn, can significantly expand the scientific understanding of the legal life of

© Шаталов Е. А., 2024

* Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Сибирского государственного университета геосистем и технологий
Плахотного ул., д. 10, г. Новосибирск, Россия, 630108
penalize@rambler.ru

past generations, become the key to understanding the intricacies of their legal life, legal consciousness and many other important aspects of life. The work reflects the ideas of a multidimensional study of Russian statehood and culture, which the author has been conducting for many years. It is especially emphasized that the study of the legal terminology of the period of medieval Rus' should not be carried out in isolation from the spiritual traditions and customs and mainly the religious and philosophical foundations of the Russian people, which were decisive in the development of society, states and law. Using extensive research material, the author makes an attempt to reconsider the issues of the genesis of medieval criminal law. In pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historical and legal science, a purely narrow understanding of the concept of «murder» was formed as a crime against life in the form of intentionally causing death. Russian memorials of law related to the Middle Ages contain information indicating that this term denoted a fairly wide range of offenses and crimes — both against the life of Orthodox Christians and against their health, decency, religion, etc.

Keywords: ancient Russian law; charter; history of the development of domestic criminal law; Christianity; history of Orthodoxy; murder; canon law; legislation of the Moscow Principality; problems and controversial issues in the science of history of state and law in Russia; historical and legal terminology; murder.

Cite as: Shatalov EA. The Concept of Crime of «Murder» in Russian Medieval Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):116-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.116-122.

При изучении научной литературы может сложиться впечатление о том, что состав преступления, упоминаемый в законодательстве Руси как «душегубство», — это убийство. Подобное объяснение содержится в уже ставшей хрестоматийной книге М. Ф. Владимирского-Буданова¹. Аналогичное определение можно встретить и в историко-юридической литературе советского периода².

Похожая точка зрения высказана в современном и достаточно авторитетном учебнике по истории отечественного государства и права под редакцией О. И. Чистякова³.

Однако отметим, что оснований и доказательств в пользу такого узкого подхода ни в одном научном источнике не представлено. Складывается впечатление, что это всего лишь умозрительный вывод авторов, с которым для удобства понимания отечественных памятников права, сохранения нерушимости устоявшихся в науке методологических традиций согласны многие.

Проблема сводится к тому, что в современной историко-юридической науке подчас предпринимаются попытки изучить, осмыслить существовавшие в истории общественные отно-

шения в отрыве от духовных традиций, да и еще сквозь призму современных научных понятий, категорий, порой несвойственных конкретной исторической эпохе.

Вполне очевидно, что результаты получаются далекими от истины. Достаточно сказать о типичной методологической ошибке, когда исследователи пытаются искусственно разделить общественные отношения, складывавшиеся в период Средневековья, на «светские» и «церковные» и изучать их в отрыве друг от друга. Но ведь именно религиозные традиции и ценности в указанную эпоху были ключевыми для всех без исключения отношений, на них базировались социальные, политические и все остальные устои социума, глубокое постижение которых может представить науке более объективные результаты.

По этой причине методология отечественной историко-юридической науки давно нуждается в ревизии и переосмыслении, поскольку не способна объективно и целостно сформировать взгляд на очень тонкие детали, от которых зависит результативность науки всеобщей и отечественной истории государства и права. Главным

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 327.

² См.: Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянц. М., 1986. С. 176.

³ История отечественного государства и права : учебник / под ред. проф. О. И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Ч. I. С. 169.

образом речь должна пойти и о кардинальном переосмыслении фундаментальной терминологии — базисе любой науки, формирующем ее язык.

Например, с термином «душегубство» всё обстоит не так однозначно и просто: попытки определить его семантику, анализируя историю развития памятников русского права периода Средневековья и иные научные источники, приводят к различным результатам.

Весьма интересная точка зрения относительно душегубства встречается в современной справочной юридической литературе. Здесь сказано, что душегубство — это название убийства в Русском государстве, но де-факто в период с XVI по XVII в.⁴ На основании этого рассуждения можно предположить, что до XVI в. это понятие, по мнению авторов, могло иметь и иное значение. Действительно, этот термин, восходящий еще к эпохе раннего Средневековья, мог иметь совершенно иное содержание. Так, в ст. 27 Устава князя Ярослава Владимировича Восточно-Русской редакции убийство и душегубство обозначены как разные составы преступления: «бои и убийство, аже что чиниться, и душегубство, платять виру...»⁵. Однако толкование этого термина здесь не представлено. Тогда как в первой статье Двинской уставной грамоты 1397 г. указано, что с объективной стороны преступление «душегубство» заключается не в причинении смерти, как это принято утверждать в науке, а в нанесении телесных повреждений потерпевшему в виде «кровавых» и «синих ран»⁶.

Интересной представляется и точка зрения других авторов, которые поясняют, что душегубство, помимо убийства, одновременно может означать и самоубийство⁷. В некоторых словарях душегубство представлено как преступное

деяние, которое могло быть сопряжено еще и с порабощением⁸.

В связи с этим вполне закономерно возникает мысль о том, какая необходимость возникала у законодателя одно и то же деяние, направленное на умышленное причинение смерти, обозначать разными понятиями: именно «убийство» и «душегубство», это ведь могло внести неразбериху и путаницу в правоприменительную деятельность. Средневековый законодатель, который с юридико-технической точки зрения стремился к лаконичности и простоте изложения правового материала, вряд ли пошел бы по этому сложному пути.

Разбираясь в этих тонкостях, обратимся к этимологии самого понятия.

Так, душегубство является сложным словом и включает в себя две основы — «душа» и «губить». По общепринятому правилу «погубить» в древнерусском праве означало похитить или утратить, потерять что-либо⁹. Но речь здесь идет не о привычных материальных утратах, а, наоборот, о нематериальных составляющих, о личности и ее внутреннем мире.

С определенной долей уверенности можно сказать, что в термин «душегубство» закладывался именно религиозно-философский подтекст. В период средневековой Руси считалось, что душой обладает только прошедший процедуру крещения и глубоко верующий православный человек, душа которого после кончины, при условии праведного образа жизни, обретает бессмертие. Некрещеный человек был изгоем в православном обществе — наравне с отлученным от веры и церкви. В Уставе князя Ярослава Владимировича по этому поводу было прямо указано, что с некрещеным «ни ясти, ни пити с ним, дондеже крестится»¹⁰.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. С. 195.

⁵ Памятники русского права. Выпуск первый / под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 261.

⁶ Карамзин М. Н. Примечания к истории государства Российского. СПб., 1852. Т. 4–6. С. 157.

⁷ Цечоев В. К., Власов В. И. История отечественного государства и права. Ростов н/Д, 2003. С. 253.

⁸ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 200.

⁹ Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 73.

¹⁰ Памятники русского права. Выпуск первый. С. 270.

Особый интерес представляет слово «душегубие», содержащееся в справочной литературе; это тот случай, когда наступала внезапная смерть ребенка, которого по «небрежению» родителей или священнослужителя не успели крестить¹¹. Таким образом, было принято считать, что, не успев принять ребенка перед смертью в лоно церкви, его обрекали на вечные муки и лишали возможности унаследовать вечную жизнь.

По общепринятому правилу если ребенок был слаб или ему грозила скорая смерть, его должны были немедленно крестить¹². По словам историка Н. И. Костомарова, русские всегда спешили крестить детей после их рождения, и это происходило во всех сословиях¹³.

Крещение на Руси, несомненно, имело в первую очередь духовное, но в то же время и юридическое значение: лица, принимавшие православие, получали от государства права и различного рода гарантии. Дело в том, что в период Средневековья принадлежность к государству, юридическая связь физического лица с монархом определялась главным образом не наличием подданства, а именно причастностью к официально установленной в нем религии. В Московском княжестве, как и в Киевском, уголовно-правовая защита жизни со стороны публичной власти предоставлялась в большей степени тем лицам, которые исповедовали православие.

Русская земля в период Средневековья сопрягается властью только с официальной религией, о чем открыто в своих грамотах писал великий князь Московский Василий Васильевич греческому царю Константину Палеологу: «...и со всею

сь нашу землю Русскою, со всею православною христианством...»¹⁴. В докончальной грамоте, составленной 20 июля 1447 г. от имени великого князя Московского Василия Васильевича, приводится классификация всех людей именно по религиозному принципу на «христиан» и «иноверцов»¹⁵. Отсюда становится очевидным тот факт, что Московская Русь являлась сугубо теократическим, христианским государством, ставшим таковым под некоторым влиянием Византии.

Религиовед А. И. Клибанов, рассуждая в этом ключе, также делал однозначный вывод о том, что «феодальная Россия была христианской страной с христианским населением»¹⁶.

Именно поэтому в некоторых русских канонических источниках содержится прямой запрет на убийство именно христиан: «Кровь христианская пролетит, и та вся кровь христианская навась отъ Бога взыщется»¹⁷.

В другом послании митрополита Киевского и всея Руси Ионы, где подвергается критике деятельность новгородской власти, допускавшей междоусобицы среди местного населения, перечисляются наиболее общественно опасные деяния, совершаемые на этой территории: здесь идет речь об убийстве, раздорах, отдельной строкой Иона пишет о душегубстве, именно о душегубстве православного христианства¹⁸.

В более поздних юридических документах, а именно жалованной несудимой грамоте Василия III, выданной Чухломскому Покровскому монастырю, от 31.10.1518, можно увидеть, что душегубством именуется преступление, направленное на умышленное причинение смерти

¹¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 752.

¹² Полная энциклопедия быта русского народа, составленная Иваном Панкеевым. М., 1998. Т. 1. С. 289.

¹³ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 155.

¹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1 : 1334–1598. СПб., 1841. С. 84.

¹⁵ Духовные и договорные грамоты Великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 142.

¹⁶ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 51.

¹⁷ Окружная грамота Митрополита Ионы (конец 1448 г.) // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 87.

¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 88.

только в тех местностях, где как раз и проживали преимущественно православные христиане, находившиеся под юрисдикцией упомянутого выше духовного учреждения и государства: «А учинитца у них в той волости Конявинской и въ ихъ селахъ монастырских и в деревняхъ хлебных душегубство, а не доищутца душегубца, и намѣстницы наши Галицкие возмутъ на монастырскихъ крестьянахъ за голову четыре рубли Московскихъ»¹⁹. В грамоте великого князя Василия Васильевича от 28.02.1453, направленной во Владимир, также сообщается о фактах совершения душегубства во время праздников и пиров применительно к митрополичьим селам и его населению²⁰.

Таким образом, душегубством в данном контексте именуется не любое преступление, направленное на умышленное причинение смерти, а исключительно то, которое совершалось в обществе православных христиан. Заметим, что ответчиками по подобному судебному делу также выступали монастырские люди, проживавшие на данной территории.

По этому же поводу профессор истории русского права Н. В. Калачов в своей книге обращал внимание на любопытный факт о том, что душегубец по установленным в Московском княжестве каноническим нормам, совершивший грех и одновременно преступление в виде умышленного причинения смерти, лишался права посещать церковь и проходить таинство причащения в течение продолжительного срока²¹. Из данного утверждения вытекает, что де-юре субъектом вышеуказанного преступления являлись православные христиане.

При этом следует обратить внимание и на тот факт, что термин «душегубство» в юридических

памятниках ассоциируется еще и со многими другими противоправными и общественно опасными деяниями, порицаемыми публичной властью. Это, по словам Н. П. Шалфеева, было некоторой юридико-технической особенностью русского средневекового законодательства и правоприменительной практики, когда один правовой термин мог обозначать целую группу правонарушений, и «душегубство» здесь не стало исключением²².

Помимо общепринятого значения исследуемого термина как умышленного причинения смерти православному христианину, в «Поучении» Владимира Мономаха душегубием обозначается и нарушение клятвы²³. К их числу также относились богохульство²⁴ и расколничество, которые губят христианские души²⁵, и многочисленные нарушения церковных норм.

Незаконная деятельность питейных заведений (корчм) рассматривалась властью как душегубство, причиняющее вред не только физическому здоровью, но и духовно-нравственному благополучию населения. В послании Белозерского монастыря игумена Кирилла Можайскому князю Андрею Дмитриевичу (примерно 1408–1413 гг.) по этому поводу указано, что от деятельности корчм «то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнуть»²⁶.

В Важской уставной грамоте от 21.03.1552, изданной от имени царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, упоминается еще и душегубство, совершенное «не хитростным делом», где речь идет о самоубийстве («кто утерается отъ своих рукъ») и наступлении смерти человека в результате несчастного случая («кто...

¹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 184.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. СПб., 1836. Т. 1. С. 37.

²¹ Калачов Н. В. Значение Кормчей в системе древнерусского права. М., 1850. С. 53.

²² Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868. С. 19.

²³ Власов Ю. Н. Государство и право Киевской Руси: становление политико-правовых отношений (VI–XIII веков). М., 1999. С. 238.

²⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 79.

²⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 32.

²⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 25.

утонеть, или сгорить, или кого водой принести, или кто съ древа убьется, или кого возомъ сотреть...»²⁷).

На основании изложенных фактов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, на рубеже Средневековья понятие «душегубство», весьма активно используемое отечественным законодателем в области уголовного права, как и множество других юридических терминов, в условиях бурного развития общественных отношений в сфере культуры, религии и под воздействием иных социальных факторов закономерно изменяло свой объем. Данным термином обозначалась целая группа различных проступков и преступлений: а) против жизни православных христиан и их здоровья; б) против здоровья христианского населения и общественной нравственности; в) против

религии. Этим понятием также обозначали и сам факт наступления смерти человека в результате несчастного случая или самоубийства — «бесхитростное душегубство».

Во-вторых, недостаточное изучение историко-юридической терминологии является одной из серьезнейших, фундаментальных проблем науки всеобщей и отечественной истории государства и права, которая, как и прежде, сохраняет свою актуальность и остроту. Она крайне нуждается в дальнейшем научно-экспертном исследовании, верификации с целью установления ее истинного, аутентичного значения, поскольку является архиважным средством, можно сказать — ключом к плодотворному изучению и осмыслению фактов, событий, некоторых общих закономерностей в развитии и формировании государства и права прошлых веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1 : 1334–1598. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. — 614 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — 548 с.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — Киев : Лито-типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1907. — 714 с.
4. *Власов Ю. Н.* Государство и право Киевской Руси: становление политико-правовых отношений (VI–XIII веков). — М. : Юрайт, 1999. — 312 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М. — Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. — 585 с.
6. История отечественного государства и права : учебник / под ред. проф. О. И. Чистякова. Ч. 1. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2000. — 430 с.
7. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. — М. : Инфра-М, 1998. — 790 с.
8. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М. : Спарк, 2001. — 119 с.
9. *Калачов Н. В.* Значение Кормчей в системе древнерусского права. — М. : Университетская типография, 1850. — 128 с.
10. *Карамзин М. Н.* Примечания к истории государства Российского. Т. 4–6. — СПб. : Издательство Александра Смирдина, 1852. — 272 с.
11. *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. — М. : Аспект Пресс, 1994. — 368 с.
12. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб. : Типография Карла Вульфа, 1860. — 218 с.
13. Памятники русского права. Выпуск первый / под ред. проф. С. В. Юшкова. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. — 287 с.

²⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. С. 235.

14. Полная энциклопедия быта русского народа, составленная Иваном Панкеевым. Т. 1. — М.: Олма-Пресс, 1998. — 687 с.
15. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянц. — М.: Наука, 1986. — 287 с.
16. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. — СПб.: Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1902. — 1018 с.
17. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М.: Русский язык, 1994. — 842 с.
18. Цечоев В. К., Власов В. И. История отечественного государства и права. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 576 с.
19. Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1868. — 82 с.

Материал поступил в редакцию 4 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey. T. 1: 1334–1598. — SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841. — 614 s.
2. Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii. T. 1. — SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1836. — 548 s.
3. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — Kiev: Lito-tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko, 1907. — 714 s.
4. Vlasov Yu. N. Gosudarstvo i pravo Kievskoy Rusi: stanovlenie politiko-pravovykh otnosheniy (VI–XIII vekov). — M.: Yurayt, 1999. — 312 s.
5. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. — M. — L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. — 585 s.
6. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. prof. O. I. Chistyakova. Ch. 1. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurist, 2000. — 430 s.
7. Bolshoy yuridicheskiy slovar / pod red. A. Ya. Sukhareva, V. D. Zorkina, V. E. Krutskikh. — M.: Infra-M, 1998. — 790 s.
8. Isaev M. A. Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva. — M.: Spark, 2001. — 119 s.
9. Kalachov N. V. Znachenie Kormchey v sisteme drevnerusskogo prava. — M.: Universitetskaya tipografiya, 1850. — 128 s.
10. Karamzin M. N. Primechaniya k istorii gosudarstva Rossiyskogo. T. 4–6. — SPb.: Izdatelstvo Aleksandra Smirdina, 1852. — 272 s.
11. Klivanov A. I. Dukhovnaya kultura srednevekovoy Rusi. — M.: Aspekt Press, 1994. — 368 s.
12. Kostomarov N. I. Ocherk domashney zhizni i nrayov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. — SPb.: Tipografiya Karla Vulfa, 1860. — 218 s.
13. Pamyatniki russkogo prava. Vypusk pervyy / pod red. prof. S. V. Yushkova. — M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1952. — 287 s.
14. Polnaya entsiklopediya byta russkogo naroda, sostavlenaya Ivanom Pankeevym. T. 1. — M.: Olma-Press, 1998. — 687 s.
15. Razvitie russkogo prava v XV — pervoy polovine XVII v. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянц. — М.: Наука, 1986. — 287 с.
16. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. 1. — SPb.: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoy akad. nauk, 1893–1902. — 1018 s.
17. Staroslavjanskiy slovar (po rukopisyam X–XI vekov) / pod red. R. M. Tseytlin, R. Večerki i E. Blagovoy. — M.: Russkiy yazyk, 1994. — 842 s.
18. Tsechoev V. K., Vlasov V. I. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. — Rostov n/D: Feniks, 2003. — 576 s.
19. Shalfeyev N. Ob ustavnoy knige Razboynogo prikaza. — SPb.: Tip. Morskogo ministerstva, 1868. — 82 s.